

ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ... МУЗЕИ РОССИИ: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

К.А. Руденко

Сидорова И.Б. **Музеи и музейное дело России. Дореволюционный период.** – Казань: ИИЦ УДП РТ, 2012. – 300 с.

История музейного дела в России – тема интересная и актуальная в наши дни. Произошедшие в стране за последние 20 лет перемены кардинально преобразовали общественные ценности, многие понятия мира культуры и устоявшиеся взгляды на прошлое. Именно сейчас оказался востребованным опыт, накопленный российскими музеями, поэтому история музейного дела привлекает пристальное внимание учёных.

Среди появившихся в последнее время учебников, пособий и научных монографий на эту тему выделяется учебное пособие И.Б. Сидоровой «Музеи и музейное дело России. Дореволюционный период» [1]. Такого рода издания в учебной практике российских вузов – шаг необходимый, поскольку публикация дополнительных пособий и учебно-методических материалов обеспечивает соответствие часто меняющимся образовательным стандартам (см. [2]). Стоит также отметить, что книга И.Б. Сидоровой – это не просто учебное пособие, а в большей степени научная монография, в которой были специально исследованы многие темы, а ряд сюжетов представлен практически впервые.

Пособие И.Б. Сидоровой открывает краткий очерк изучения истории музейного дела в России (который правильнее было бы назвать историографией). Второй темой, предшествующей основному сюжету, является обоснование истории музейного дела России как учебно-научной дисциплины [1, с. 12–15]. Аналогичная тенденция наблюдается и в некоторых других направлениях российского музееведения, в частности в музейной педагогике [3, с. 6]. И.Б. Сидорова разделила повествование на достаточно узкие хронологические отрезки (до 50 лет), что позволило весьма детально представить развитие российских музеев по своего рода этапам. Но следствием этого стало нарушение цельности восприятия динамики процесса становления отдельных крупных музеев (например, Эрмитажа или музеев Академии наук). Впрочем, это вполне компенсируется весьма интересным исследовательским подходом к рассмотрению истории музейного дела через временной срез, позволяющим осознать суть явлений, происходивших в культурном мире России (и затрагивавших музейную жизнь) в тот или иной исторический период.

В отличие от большинства изданий по истории музейного дела, данное учебное пособие начинается не с домусейного (протомусейного) периода, а сразу с истории формирования в XVII в. начальных собраний, ставших впоследствии

полноценными музеями (Оружейная палата и др.) (гл. 1 «Хранилища древностей и создание первых российских музеев. XVIII век» [1, с. 19–50]). Сюжет о прото-музейных собраниях тем не менее не совсем бесполезен, поскольку позволил бы представить историческую ретроспективу развития музейного дела и обозначить специфику становления российского музея. Эта специфика, естественно, существует: по большей мере история собирания и хранения раритетов в России начиналась с церковных древностей и в дальнейшем была тесно связана с ними (что отмечалось ещё в 40-х годах XIX в. [4, с. 1]), а также с рядом научных направлений [5, с. 158–159]. Более того, российское общество было совершенно не расположено к той музейности, которая стремительно набирала обороты на Западе. Это обуславливало сугубо государственный характер таких учреждений [6, с. 84, 93], что отмечено автором пособия [1, с. 49].

Еще один нюанс, который был затронут И.Б. Сидоровой в учебном пособии вслед за Т.Ю. Юреновой, – значение для развития европейских музеев колониационной политики, осуществляемой крупнейшими европейскими государствами, и формирование на этой основе «психологии хозяина мира», отразившей национальные амбиции в создании публичных музеев [1, с. 51]. Такая идея в принципе была невозможна в крепостнической России, где большая часть населения не имела никаких прав и ведать не ведала, будучи абсолютно необразованной, о сокровищах культурного наследия собственной страны и мира. Точнее сказать, идея российского публичного музея была вполне реальна, что показали достаточно многочисленные музейные проекты 50–60-х годов XIX в., однако народные массы, да и немалая часть провинциального дворянства, были достаточно консервативны и ориентированы на традиционное мировосприятие, считавшее олицетворением основных духовных (патриотических/национальных) ценностей самодержавие и церковь.

Отчасти это было причиной «нецивилизованного» отношения к памятникам старины [1, с. 52], в том числе и церковной, из-за чего принимались специальные императорские указы и постановления Св. Синода. Здесь усилия государства и церкви объединились. Это было своего рода стимулом в создании сети музеев церковно-археологического профиля и ориентировании других на историческую тематику. Впрочем, отношение власти к музейным собраниям было не всегда последовательным [1, с. 57–58].

Во второй главе «Российские музеи в первой половине XIX в.» [1, с. 51–86] отмечается, что особенностью этого периода было создание на юге России музеев, связанных с археологическими памятниками («музеи древностей»). Этот прошедший в книге вскользь сюжет [1, с. 65–66] на самом деле имеет большее значение, чем может представиться. Археология стала той решающей силой в российском музейном пространстве, которая перестроила и видоизменила весь музейный мир в России XIX в.

Стремление к культурным европейским стандартам в музейном деле выразилось в выборочном подходе к тематике возникавших музеев, который совпал с активным поиском древностей античного периода в Крыму, приблизив Россию тем самым к европейской классической античной культуре. Она являлась во многом образцом для подражания и была, в свою очередь, связана с христианской (библейской) историей.

Особый интерес в рассматриваемом учебном пособии представляет раздел, посвящённый проектам российского национального и художественного музеев [1, с. 66–75]. В значительной степени эти проекты были вдохновлены идеями европейских музеев и отражали государственную идею величия Российской империи или некоего «народного просвещения», навеянного идеями декабристов (в конечном итоге тоже наполненного духом государственности, далёкой от демократизма и собственно «народа»). Классовая сущность этих проектов вполне очевидна. В целом сама по себе ситуация после Отечественной войны 1812 года и восстания декабристов 1825 года, очевидно, и была той средой, в которой могли зародиться и погибнуть эти музейные проекты.

Весьма познавательна история возникших из Кунсткамеры Петра I музеев Академии наук, а также кабинетов Московского и Казанского университетов [1, с. 75–81]. В последнем случае это были в значительной степени учебные собрания, что, собственно, и вкладывалось в название *кабинет*. Они находились на содержании университета или академии, то есть получали государственную поддержку. Общественности они были недоступны и малоизвестны (кроме единичных исключений, например Музея естественной истории Московского университета, состоявшего из нескольких кабинетов). Основной вклад в их развитие вносили щедрые меценаты из дворянской аристократии, которые дарениями и пожертвованиями, по сути, комплектовали фонды кабинетов Московского университета. Свою лепту вносили профессора университета и даже студенты.

Представители технической интеллигенции (отчасти и ссыльные поселенцы, например декабристы) в промышленных районах (чаще всего это была Сибирь) выступали с инициативами создания музеев. Однако такие музеи были активно действующими лишь при жизни своего основателя, а затем приходили в упадок [1, с. 83]. «Просвещённое общество» (чаще всего малопоместные дворяне и помещики, городские мещане, даже в числе лучших, образованных его представителей) рождало замечательные проекты, но только для самого себя – в этом отношении любой музейный проект носил кунсткамерный характер, отпечаток крепостничества витал над ним. Пока государственная система России не была реформирована, музейная сфера оставалась узкокастовой и замкнутой на себя. Представителям других сословий путь туда был практически закрыт.

Третья глава «Частные коллекции и музеи в России» [1, с. 87–118] касается темы частного коллекционирования и связи его с музеями. Для России (что выпукло показано И.Б. Сидоровой) характерно увлечение этим делом аристократических кругов общества. Князья, графы, бароны – вот главные российские коллекционеры XVIII – первой трети XIX в. Собственно, и коллекционерами их в чистом виде назвать сложно – они были собирателями, владельцами сокровищ, представляющих их сословную состоятельность (заменявшую «боярскую родовитость» в реалиях постпетровского времени) и позиционирующих их в европейском обществе. Дух коллекционера – фанатичного раба своей коллекции – лишь в малой степени был свойствен этим весьма прагматичным деятелям российского общества XVIII – начала XIX в.

Очень удачен помещённый в этой главе тематический раздел о частных коллекциях и музеях второй половины XIX – начала XX в. [1, с. 99–118], чётко показывающий стремительный рост в это время числа коллекционеров из других

сословий, прежде всего купечества (например, Третьяковы, Щукины, Морозовы и др.), давших России небывалый взлёт меценатства и коллекционирования в «чистом виде». Стали воплощаться на практике и идеи публичных музеев (например, в Саратове) [1, с. 110–111]. Тематический обзор частных коллекций оказался весьма удобным для анализа, хотя, кроме картинных собраний, пожалуй, ни одна другая коллекция не была узко профильной. Можно только говорить о преобладании того или иного вида собираемых предметов. Это относится, например, к коллекциям А.С. Уварова и казанского коллекционера А.Ф. Лихачёва.

Справедливости ради надо сказать, что купцы в российской провинции не были столь фанатичными коллекционерами, как в столицах, и предпочитали вкладывать деньги в богоугодные дела – строительство церквей или мечетей, школ и ремесленных училищ, благоустройство провинциальных центров. Вторая сторона медали – это развитие неофициальных или, лучше сказать, нелегальных источников антикварного рынка, особенно в отношении археологических артефактов. Коллекционеры создали настолько благоприятную почву для этого явления, что даже жёсткие предписания и меры, принимаемые министерством внутренних дел, зачастую были неэффективны.

Четвёртая глава посвящена истории комплексных, мемориальных и исторических музеев второй половины XIX – начала XX в. Здесь мы возвращаемся к уже хорошо знакомым нам музеям – Оружейной палате, Патриаршей ризнице и т. д. Однако И.Б. Сидорова не просто описывает историю их деятельности, но раскрывает на этих примерах очень любопытный процесс – формирование собственно музейной деятельности, выставочно-экспозиционной, исследовательской. Это относится, конечно, прежде всего к крупным музеям, например к Румянцевскому или Российскому историческому музею [1, с. 125–145].

Интересен факт появления в России во второй половине XIX в. мемориальных музеев, связанных прежде всего с учебными заведениями (где учились выдающиеся писатели, поэты или учёные). Эта тенденция, как и возникновение музеев, посвящённых историческим событиям общероссийского значения, и военных музеев, является отражением стремления государства к формированию в российском обществе музейными средствами общенационального, российского чувства патриотизма и национально-государственной идеи, близкой к формуле «самодержавие, православие, народность». Собственно, эти мысли и были заложены в концепцию Российского исторического музея.

В пятой главе рассказывается о государственных художественных музеях второй половины XIX – начала XX в. В первую очередь это Эрмитаж, Русский музей и Музей изящных искусств (он был всё же изначально не детищем общенациональности, а университетским музеем, что видно из опубликованной переписки И.В. Цветаева и архитектора И.Р. Клейна, и лишь затем изменил статус). В этом же хронологическом отрезке рассмотрены академические музеи и музеи университетов (глава шестая), в том числе и Казанского.

Вряд ли стоит относить к числу университетских музеев Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) при Казанском университете. Само Общество не было структурой университета и выполняло функции краеведческого сообщества при нём. Очевидно, что это музей научного общества, который не был и университетским кабинетом-музеем, учебных функций изначально не имел,

да и впоследствии не приобрёл. Комплектование его фондов осуществлялось стихийно, что вызывало в дальнейшем трудности с каталогизацией и экспонированием. Он не имел постоянного места размещения и какую-то часть времени вообще был свёрнут. Не было и постоянных специалистов, которые бы профессионально обрабатывали коллекции, иначе говоря, научно-исследовательская функция была выражена весьма слабо. Более того, сами предметы, собранные в нём, за редким исключением не являлись предметом специального исследования и описания, отражённого в публикациях. Редкими случаями можно считать небольшие статьи Н.Ф. Катанова, посвящённые отдельным предметам из собрания ОАИЭ или Казанского научно-промышленного музея им. Лихачёва, где имелись ссылки на коллекции ОАИЭ. За всё время существования музея ОАИЭ так и не был создан каталог его коллекций, а изданные каталоги выставок, где экспонировались предметы из музея ОАИЭ, отличаются предельной лаконичностью.

Важный материал представлен в разделе о музеях прикладных знаний (глава седьмая), куда попали и педагогические музеи. Говоря о кустарных и подобных им музеях, нужно отметить, что эти музеи не всегда были таковыми в чистом виде: например, кустарный музей казанского земства назывался ещё *склад-музей* и занимался реализацией сельскохозяйственного оборудования. Близкие задачи ставили и музеи педагогические, которые были центрами распространения учебных пособий и материалов. Это было характерно для российской провинции, а столичные музеи этого направления развивались по несколько иной схеме, что детально показала И.Б. Сидорова. Показателен и рост ведомственных профессиональных музеев, что было связано с процессом индустриализации России, формированием пролетариата и технической интеллигенции.

Местные музеи второй половины XIX – начала XX в. рассмотрены в восьмой главе. Сюда вошли музеи статистических комитетов, учёных архивных комиссий и т. п. учреждений. Это оригинальное и практически исключительно российское явление. Каждый из этих музеев имеет свою специфику, во многом зависящую от субъективных факторов, имевшихся на момент их образования. Сюда же отнесены и городские музеи, организованные при городских думах. Значительное место отведено Казанскому научно-промышленному музею им. А.Ф. Лихачёва, который выделялся среди ему подобных. Особенность его заключалась в том, что это был музей в музее. Лихачёвский отдел (по сути, неделимая и неотчуждаемая коллекция, имевшая отдельное управление) занимал большую часть экспозиционной площади и соединял в себе разнообразные материалы: картины, археологию, этнографию, нумизматику, книги и т. д. Никакой системности здесь не было, что отмечали уже современники. Эта была полная эклектика, которая не могла быть изменена никаким образом, что и было записано в Уставе музея. Разношёрстными были и экспозиции естественно-исторического и историко-этнографического отделов вследствие бессистемной комплектации их фондов.

Невелик раздел, посвящённый церковным древлехранилищам [1, с. 258–262]. Данная тема заслуживает более глубокого освещения, поскольку эти древлехранилища представляли собой целую сеть специализированных музейных учреждений, тесно связанных с обычными музейными собраниями и музеями, в которых также обязательно были разделы церковных древностей.

Заслуживает внимания раздел, посвящённый обсуждению общих проблем музеев и музейной деятельности в конце XIX – начале XX в. [1, с. 264–288]. Очень подробно И.Б. Сидоровой рассмотрен вопрос об археологических обществах как центрах музееведческой мысли, хотя здесь упущена весьма важная часть, обсуждавшаяся наряду с другими на археологических съездах: церковная археология. К 1917 году размах этого направления был настолько широк, что на повестке дня стоял вопрос об организации отдельных съездов только по церковной археологии. Интересен в этом контексте и состоявшийся в 1912 г. Предварительный музейный съезд, рассмотренный И.Б. Сидоровой в отдельном параграфе [1, с. 277–281], на котором обсуждались многие музейные проблемы.

Завершается этот раздел сюжетом о музее в философских штудиях Н.Ф. Фёдорова [1, с. 281–288]. Эта тема, как отмечает И.Б. Сидорова, стала «неотъемлемой частью музееведческой мысли в России». Имя Н.Ф. Фёдорова в этом контексте рассматривалось еще с 20-х годов XX века, однако на протяжении столетия отношение к его мыслям на музейную тему было весьма различным. Подробный разбор сущностных положений его теории, изложенный И.Б. Сидоровой, позволяет представить осмысление роли музеев в ментальном пространстве России на рубеже веков.

В целом учебное пособие И.Б. Сидоровой – это, по сути, первый опыт исследования, обобщивший и систематизировавший значительный материал по истории музейного дела России в энциклопедическом формате, насыщенный фактами и аналитическим материалом и, самое главное, чётко структурированный и снабжённый малоизвестными данными по региональным музеям. Это учебное пособие, очевидно, будет востребовано не только студентами, но и специалистами по музейному делу, исследователями истории музеев России.

Литература

1. *Сидорова И.Б.* Музеи и музейное дело России. Дореволюционный период. – Казань: ИИЦ УДП РТ, 2012. – 300 с.
2. Основы музеологии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – 206 с.
3. *Сапанжа О.С.* Методология теоретического музееведения. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. – 115 с.
4. Древности Российского государства, изданные по Высочайшему повелению. Отделение I. Св. иконы, кресты, утварь храмовая и облачение сана духовного. – М.: Тип. А. Семена, 1849. – XLIII, 174 с.
5. *Формозов А.А.* Страницы истории русской археологии. – М.: Наука, 1986. – 240 с.
6. *Колчинский Э.И.* Академия наук и становление естественной истории в России // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII – XX веках. Исторические очерки. – СПб.: Наука, 2003. – С. 83–116.

Поступила в редакцию
01.02.2013

Руденко Константин Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры музееведения и искусствоведения, Казанский государственный университет культуры и искусства, г. Казань, Россия.

E-mail: murzaha@mail.ru